

Д $\frac{20}{369}$

эпсе.

1853-1855

ФРАНЦУЗЫ И РУССКІЕ

20
369
ВЪ КРЫМУ.

Письма французскаго офицера къ своей
семьѣ во время восточной войны
1853—1855 гг.

Генерала Эрбе бывшаго пол-
коваго адъютанта 95-го пѣхот-
наго полка.

FRANÇAIS ET RUSSES EN CRIMÉE.

Lettres d'un officier français a sa famille.

—)(—

P A R I S

1892.

—*—

Перевелъ съ французскаго

С. Л. Халютинъ.

МИНСКЪ.

Типо-литографіи Х. Я. Дворжеца и Б. П. Соломонова.

1894.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 9-го Февраля 1894 г.

2007112070

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Самъ какъ участникъ въ достопамятной для всякаго русскаго Восточной войнѣ, я позволяю себѣ надѣяться, что настоящій переводъ писемъ генерала Эрбе, писанныхъ имъ съ мѣста военныхъ дѣйствій въ Крыму въ 1855 и 1856 годахъ къ своимъ родителямъ, въ качествѣ субалтернъ-офицера, принадлежавшаго къ штабу, а слѣдовательно и имѣвшаго возможность во многихъ случаяхъ изучить всѣ перипетіи борьбы на полуостровѣ, а также освѣдомиться о планахъ и предположеніяхъ своего высшаго начальства, игравшаго главную руководящую роль въ союзныхъ войскахъ,—можетъ имѣть интересъ для читателей русской пубрики и особенно для военного класса, не въ качествѣ лѣтописнаго или систематическаго описанія событій, о чемъ написаны многіе томы на разныхъ языкахъ,—а какъ памятникъ чувствъ, существовавшихъ въ ту эпоху между двумя націями, не смотря на соперничество и враждебныя дѣйствія одна противъ другой. Эта сторона, кажется въ первый еще разъ, вырисовывается въ подобной живой формѣ, подтверждая генезисъ той симпатіи, которая въ недавнее время высказалась и продолжаетъ высказываться и въ настоящую минуту при всякомъ удобномъ случаѣ во взаимныхъ сношеніяхъ Россіи и Франціи, составляя залогъ ихъ совмѣстныхъ дѣйствій на дѣло умиротворенія политическаго міра, въ цѣляхъ обеспечения спокойнаго преуспѣянія развитія образованія, торговли, промышленности и вообще прогресса всего того, что служить къ улучшенію положенія человѣческой расы.

Въ настоящую минуту, когда Россія и Франція подаютъ одна другой руки и съ энтузіазмомъ, предъ которымъ должны смолкнуть всякіе личные интересы прочихъ націй, продолжаютъ чествовать другъ друга, любопытно вернуться къ тому времени, когда въ силу лишь однихъ только политическихъ комбинацій и вопреки природному взаимному влеченію этихъ главенствующихъ въ Европѣ державъ, онѣ должны были бороться и сдѣлаться временными врагами, но безъ всякой ненависти и недоброжелательства. Интересно пробѣжать тѣ строки, которыя, не назначаясь въ печать, писаны патріотомъ къ своимъ родителямъ съ специальною цѣлью утѣшенія ихъ въ тяжелой разлукѣ съ своимъ любимымъ сыномъ, можетъ быть единственной ихъ надеждою и гордостью, и пріятно удостовѣриться, что письма эти, отличающіяся простотою и юношескою откровенностью, не заключая въ себѣ никакихъ предвзятыхъ цѣлей, ни политическихъ ни личныхъ, ни выдумокъ и преувеличеній, которыя составляютъ большой недостатокъ всѣхъ писемъ того времени, отправленныхъ съ поля битвъ къ частнымъ лицамъ и для газетъ,—являются откликомъ юной, еще не испорченной жизнью натуры, которая, рыцарски оцѣняя дѣйствія своего соперника, не стѣсняется отдавать должную дань справедливости всѣмъ хорошимъ сторо-

намъ своего противника. Конечно, и въ этихъ письмахъ чувствуется присутствіе извѣстной дозы увлеченія успѣхомъ дѣйствій союзной арміи, но въ своихъ разсказахъ авторъ нигдѣ не доходитъ до отсутствія безпристрастія, а напротивъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ справедливо-восторженный отзывъ о геройскихъ дѣйствіяхъ русской арміи и самоотверженіи отдѣльных ея лицъ. Помимо этого, весьма поучительны сужденія автора о характерѣ дѣйствій своихъ союзниковъ, которыя доводили Французовъ до ненависти къ Англичанамъ и до презрѣнія Турокъ.

Не смотря на обѣщанія не критиковать дѣйствій администраціи и Интендантства своей арміи, авторъ невольно является эхомъ среды, въ которой жилъ и дѣйствовалъ. Описывая всѣ затрудненія, недостатки и лишенія, испытанные корпусомъ войскъ, осаждавшимъ Севастополь, онъ во многихъ случаяхъ и совершенно правильно, относитъ всѣ эти бѣдствія къ несовершенству административной организаціи, нераспорядительности и неумѣлости своего Интенданства, что было такъ близко и русскому лучшему обществу, сердцемъ болѣвшему за своихъ воиновъ—страдальцевъ, испытывшихъ въ ту же кампанію всѣ зловлеченія административнаго неустройства внутреннихъ порядковъ въ нашей арміи и результаты полнѣйшаго отсутствія патріотическаго чувства въ представителяхъ нашего Интенданства, которое могло облегчить трудныя задачи удовлетворенія нуждъ войска безкорыстіемъ и своевременностью исполненія операцій, устраненіе чего послужило, можетъ быть, косвенною причиною большинства неудачъ нашихъ стратегическихъ дѣйствій въ Крымскую войну. Въ этихъ письмахъ есть также критика и нашихъ военныхъ распоряженій и исполнительныхъ дѣйствій, но она всегда сдержана, и не имѣя злобнаго оттѣнка сужденій соперника, во многомъ представляетъ совершенно хладнокровное и серьезное мнѣніе, на которое иногда не имѣется данныхъ для возраженій, при чемъ авторъ не забываетъ указывать на преимущество русскихъ, относительно устройства и обезпеченія боевымъ снаряженіемъ ихъ арміи.

Ужасная убыль въ союзныхъ войскахъ отъ частыхъ и энергическихъ вылазокъ отважнаго Севастопольскаго гарнизона, и дѣйствія нашей могучей артиллеріи, полнѣйшій недостатокъ во французскихъ госпиталяхъ, лазаретахъ и на перевязочныхъ пунктахъ врачей и медицинской помощи, губительно вліявшаго на увеличеніе смертности въ арміи, безпечность аванпостной службы, усугублявшая потери,—рисуютъ организацію служебной и продовольственной частей союзной арміи, не въ томъ ореолѣ совершенства, который извѣстенъ былъ современникамъ изъ официальныхъ донесеній главнокомандующихъ союзными войсками, позднѣйшихъ сочиненій о Крымской кампаніи, и сложившихся объ этомъ преданій.

Сравненіе нашего военнаго положенія того времени, обрисовываемаго письмами съ настоящимъ, весьма назидательно и конечно **А** приводитъ къ гор-